

мализму официальной церкви и к народным верованиям, воззрениями на систему государственного и общественного устройства, этикой и т. д. — богомилство в ту эпоху находило отклик во всех общественных слоях, проникало в монастыри, города, круги церковной иерархии и на императорский двор.¹³⁴ О размерах и значении этого движения свидетельствуют обширные догматические труды Евфимия Зигавина в начале XII в. и монаха Евфимия из Перивленты середины XII в.; жестокие меры борьбы с еретиками при императоре Алексее Комнине с массовыми заключениями в темницу, пытками и кострами; серия церковных соборов, созывавшихся для борьбы с ересью при этом царе и его наследниках, в частности в 1140, 1143 и 1156—1157 гг.; житие св. Илариона епископа Мегленского с известиями о ликвидации богомилства при царе Мануиле; ряд свидетельств о связях между западными дуалистами и балканскими еретиками.¹³⁵ Среди этих фактов особенную ценность представляет показание богомилского «папы» Никиты (который из Константинополя прибыл на катарский собор в Сен-Феликс де Караман, вблизи Тулузы, в 1167 г.) о том, что якобы на Балканском полуострове организовано пять богомилских церквей: *ecclesia Romana*, *Dragometia* (Драговития), *Meliniqua* (Мельничкая), *Bulgaria* и *Dalmatia*; первые четыре — на болгарской и македонской территориях восточного и среднего района Балкан. Именно к этим годам относятся и данные жития Илариона Мегленского о широких полномочиях, предоставленных этому архиерею императором Мануилом для ликвидации ереси, после того как Илариону удалось отвратить самого императора от симпатии к богомилству. В качестве санкции в отношении тех еретиков, которые не пожелают повиноваться, император рекомендует «далече негде отганяти от православных стад», но младший современник этих событий — канонист Вальсамон — свидетельствует, что для искоренения ереси применялись и значительно более жестокие меры, в частности сжигание еретиков по постановлениям церковных судебных трибуналов. На этот же период, годы апогея могущества императора Мануила, между 1172 и 1180 гг., падает и свидетельство Стефана Первовенчанного о гонении на богомилов, которое в Сербии предпринял его отец Стефан Неманя: с церковным и государственным собором, вооруженным столкновением с еретиками, судом, сжиганием виновных на костре и другими казнями, конфискацией имущества и изгнанием, «выдирианием» языка «учителю и начальнику» и сжиганием нечестивых книг.¹³⁶

¹³⁴ См.: Д. Ангелов. Богомилство в Болгарии. М., 1954, стр. 120—132; автор особенно подчеркивает сложную природу богомилского учения, которая способствовала проникновению богомилства в различные круги общества.

¹³⁵ После фундаментального исследования Фр. Рачкого «Богомили и патарени» (Рад Југославенске Академије, VII, VIII и X, а также отдельно. Загреб, 1870; 2-е изд.: Белград, 1931) и волны отрицательной критики в промежутке между первой и второй мировыми войнами вопрос снова получил всестороннее освещение в большом числе трудов. Особенно важны: А. Соловьев. 1) Вјерско учење босанске цркве. Загреб, 1949 (французский перевод: Bulletin de l'Académie R. de Belgique. Classe des Lettres. Bruxelles, 1948, стр. 481—534); 2) Фундајажити, патарени и кудугери. — Сборник Византолошког института Српске Академије наука, I. Београд, 1952, стр. 121—147; 3) Сведочанства православних извора о богомилству на Балкану. — Годишњак Историског друштва Босне и Херцеговине, V. Сарајево, 1953, стр. 1—103; Драгутин Кнiewald (Dragutin Kniewald). Вјеродостојност латинских извора о босанским крстјанима. — Рад Југославенске Академије, 270. Загреб, 1949, стр. 5—166. Остальная литература приведена в статьях о богомилстве в «Историја народа Југославије» (т. I. Београд, 1953, стр. 297—299 и 573—575) и в «Енциклопедија Југославије» (т. I. Загреб, 1955, стр. 640—645).

¹³⁶ Исчерпывающий анализ известных жития Илариона Мегленского и Стефана Первовенчанного см. в упомянутой работе А. Соловьева «Сведочанства православних извора о богомилству на Балкану» (стр. 12—24).